

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КУБА ФИДЕЛЯ КАСТРО РУСА НА ВСТРЕЧЕ С ЧЛЕНАМИ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА СТУДЕНТОВ, БЕЛУ-ОРИЗОНТИ, БРАЗИЛИЯ, 1 ИЮЛЯ 1999 ГОДА [1]

Fecha:

01/07/1999

Дорогие друзья!

У меня нет ни малейшего представления о том, работает ли микрофон. Работает? (Ему что-то говорят.) И еще одно: понимаете ли вы мой испанский (Возгласы), потому что если нет микрофона и если я не могу общаться с вами, тогда зачем я здесь?

Позвольте мне сказать вам следующее: я не могу произнести речи, какую, быть может, мне хотелось бы произнести. Да и зачем говорить о речах, я обычно не произношу речей, я обычно разговариваю с людьми, к которым обращаюсь (Аплодисменты и возгласы). Но мне пришлось очень поднапрячь воображение, чтобы представить, каким будет это место, располагает ли оно к размышлениям.

Я вижу, что вы сидите, я бы сказал, весьма элегантно, на полу. Я думал, что здесь поставят стулья, я забыл, что у Союза бразильских студентов нет больших средств, чтобы взять в аренду стулья. Не так давно я говорил с венесуэльскими студентами; это было в главной аудитории университета, там собралось примерно 1 200 студентов, снаружи было несколько тысяч - а те отчего протестуют? Им не слышно? (Смех и аплодисменты) - то было совсем не такое место, как это. Мне не нравятся митинги и торжественные акты на стадионах, но не важно, оставим в стороне все второстепенное, что я сегодня мог бы вам здесь сказать, чтобы попытаться быть кратким, - хорошо? - а то я известен тем, что говорю помногу .

Мы пришли с опозданием, но не потому, что запланировали это опоздание, а потому, что возникли мероприятия, которые помешали нам быть здесь в три часа дня. Уже больше пяти, к тому же сегодня важная встреча по футболу, поэтому я обязан быть кратким.

Я послал вам заранее два пакета по 5 000 брошюр: в одном - выступление перед студентами Национального университета Венесуэлы, 40 лет спустя после того как я побывал там впервые, в том же самом месте; я попытался глубоко проанализировать многое из того, что происходит в нашем полушарии и в нашем мире, и сейчас нет необходимости это повторять, я прошу только, чтобы когда вам нечего будет делать, вы оказали бы нам честь и прочли его. Другой пакет - с текстом выступления, состоявшегося менее месяца назад на конгрессе работников культуры, в котором участвовало около 1 000 делегатов, из них примерно 700 иностранцев. Мне незачем повторять сказанное там, потому что вы также получите копию этой речи, - для чего ее повторять?

У меня были здесь кое-какие бумаги, практически мне они не нужны: некоторые документы, речь, которую я произнес там на встрече на высшем уровне, совсем короткая, в три с половиной минуты, а другая длилась всего около семи минут. Об этом уже говорили.

Теперь я хотел бы знать... (Слышатся взрывы). Это бомбы или что? Или прелюдия к интервенции НАТО? Что здесь взрывается? (Смех) Я хочу знать, что бы вам хотелось, чтобы я вам сказал или объяснил (Возгласы). Пусть кто-нибудь переведет, что тут сказали. Вот ты, у тебя хороший слух и ты знаешь "бразильский" (Ему говорят, что это приветствие, что это возгласы поддержки).

Я должен сказать прежде всего, что, вероятно, у вас есть миллион вопросов о вашей стране, о Латинской Америке и Карибском бассейне и о мире. На вопросы о вашей стране я не могу и не должен отвечать, потому что здесь я гость, а гость должен придерживаться строгого правила не высказывать суждений о пригласившей его стране.

Чтобы вы лучше меня поняли, должен объяснить, что действительно я был очень доволен, когда узнал, что почти одновременно со знаменитой встречей на высшем уровне, через день, откроется конгресс бразильских студентов, на который соберутся тысячи делегатов из всех университетов, и что мне оказали огромную честь, пригласив участвовать в нем хотя бы несколько минут. С первого момента я почувствовал желание, радость, гордость, надежду, узнав о такой вашей заинтересованности (Аплодисменты), и решил сделать все возможное, чтобы прийти.

Но только посмотрите, какие это два события: на одном собрались 48 глав государств и правительств, примерно треть латиноамериканцев; треть примерно европейцев – я имею в виду не примерно европейцев, а примерно треть из тех, кто был там, – и такое же число глав правительств карибских стран. Впервые произошло такое важное событие – собрались карибцы и латиноамериканцы, потому что о карибцах обычно забывают; они последними получили независимость. Когда на Кубе произошла революция, почти никто из них не был независимым; за последние 30 или 40 лет они один за другим приобретали характер независимой страны.

Когда Латинская Америка порвала отношения с Кубой, и мы остались абсолютно одни, и нас исключили из ОАГ – за что мы будем им всегда безмерно благодарны (Аплодисменты), – карибские страны не принадлежали к ОАГ, поскольку не существовали как независимые государства. Потом они уже как свободные страны начали борьбу, вместе с панамцами во главе с Торрихосом, за то, чтобы прорвать изоляцию Кубы. И так понемногу восстанавливались отношения между Кубой и остальными странами Латинской Америки, за исключением некоторых стран, которые так или иначе либо имеют на Кубе отдел, представляющий их интересы, либо поддерживают определенные связи с Кубой.

Сегодня карибцы как независимые государства являются самыми близкими и надежными друзьями Кубы (Аплодисменты),

поэтому мы рады встрече в верхах, в которой они участвуют. Да, были другие, две: так называемые Американские встречи на высшем уровне, куда нас не приглашали, потому что, по всей видимости, мы живем на Луне; на эту же нас пригласили.

Прежде Мексика пригласила нас на латиноамериканскую встречу в верхах, которая впервые состоялась без присутствия Соединенных Штатов. Мексиканцы не уступили давлению и дали местечко Кубе – этой золушке полушария. С тех пор мы бываем там.

На этот раз здесь собрались карибцы, латиноамериканцы и Европа – не вся Европа, 15 членов Европейского союза. Это несомненно была очень важная встреча, потому что существуют бесспорные противоречия между европейскими интересами и интересами Соединенных Штатов.

Соединенные Штаты хотят проглотить целиком Латинскую Америку и карибский регион посредством так называемого АДСТ – Американского договора о свободной торговле. Куба, как я уже сказал, вон! – невзирая на упорную оппозицию карибцев и определенное сопротивление, более или менее значительное, некоторых латиноамериканских стран.

Я считаю, что нынешняя встреча была важной, поскольку европейцы, которые тоже хотят быть независимыми, собрались с теми из нас, кто хочет быть независимым в Латинской Америке и в карибском регионе.

Кто-то здесь высказал – кажется, вот этот умный и пылкий молодой человек, - некоторые критические замечания по поводу встречи в верхах, и я согласен с любой критикой, потому что сам критиковал достаточно резко, не саму встречу, но определенные концепции и события, которые происходят в мире.

Пункт о законе Хелмса-Бертон, который он упомянул, имеет свою историю. Наша делегация в ходе обсуждений и обмена мнениями с латиноамериканцами добилась включения абзаца – и абзаца, который, что любопытно, был принят европейцами, - где говорилось, что они выступают против любого экстратерриториального закона или действия, в особенности или примерно такого как закон Хелмса-Бертон. Эти документы, принимаемые встречами на высшем уровне, вырабатываются непросто, особенно когда есть столкновения интересов, а тут их было немало. Например, европейцы единодушно возражали против любого высказывания в защиту Устава Организации Объединенных Наций, против любого осуждения вторжения в другие страны, против любого упоминания о защите национального суверенитета; итак, национальный суверенитет, право на невмешательство, самоопределение - в общем, абзац, который содержит то, что было и еще сегодня остается, и быть может сегодня более чем когда-либо, священными, жизненно важными и не подлежащими обсуждению правами для огромного большинства стран мира (Аплодисменты).

Нас это беспокоило, мы вылетели с Кубы в воскресенье, встреча министров иностранных дел начиналась в воскресенье, в понедельник должна была начаться встреча на высшем уровне. Это обсуждалось на так называемых совещаниях экспертов, и там договорились о некоторых вещах: о вопросе относительно требования ряда латиноамериканских стран включить абзац, в котором – это две разные, но очень связанные между собой вещи – сохранялось бы упоминание о законе Хелмса-Бертон. Там наш эксперт - заместитель министра иностранных дел – упорно боролся за то, чтобы там сохранилось упоминание об этом законе, с именами и фамилиями; но в то же время продолжал стоять вопрос о законнейшем требовании других стран, чтобы эти полторы строки относились не только к закону Хелмса-Бертон, потому что в абзаце буквально говорилось примерно следующее: "экстратерриториальность законов торгового характера, таких как закон Хелмса-Бертон".

В ту ночь они не смогли полностью прийти к соглашению. Утром в воскресенье появилась формулировка: европейцы приняли полторы строки, касающиеся этого вопроса, в более широкой формулировке, то есть, против любой формы экстратерриториальности, хотя они воспользовались этим и убрали конкретное упоминание о законе Хелмса-Бертон. Ну хорошо, это осталось на воскресенье. В субботу без четверти двенадцать ночи нас извещает из Рио наш министр иностранных дел, что Европа приняла абзац, где со всей ясностью говорилось следующее:

"Эта стратегическая ассоциация опирается на полное уважение международного права и на цели и принципы, содержащиеся в Уставе Организации Объединенных Наций, принципы невмешательства, уважения к суверенитету, равноправия между государствами и самоопределения."

Теперь лишь оставалось под вопросом, будет ли там имя и название закона Хелмса-Бертон. Мы проанализировали это, потому что предстояла встреча министров иностранных дел, и об этом вопросе они не договорились. По прибытии мы сказали нашим представителям: "В данный момент добиться включения этого абзаца о невмешательстве, суверенитете и так далее и тому подобное - это большой успех, рядом с которым вопрос о том, упоминать или не упоминать этих господ Хелмса и Бертон, не имеет значения, особенно когда в этих полтора строках

осуждается любое притязание на экстратерриториальность". И я сказал им: "Забудьте об этих двух господах, они недостойны фигурировать в таком документе как этот, они уже и так достаточно дискредитированы; мы не станем начинать встречу на высшем уровне, где надо обсудить столько вопросов, с пунктика, в котором речь идет только о том, включать или не включать имена этих господ".

В некоторых сообщениях говорилось, что Куба потерпела поражение, что она тяжело его переживает, и уж не знаю, сколько там чего, а на самом деле все наоборот, мы счастливы, потому что главным пунктом, стратегическим пунктом был абзац, который европейцы никоим образом не хотели принимать, пункт, связанный с невмешательством, с уважением к суверенитету и так далее. Такова история этого пункта.

Честно говорю вам, позиции Кубы укрепились. Многие из пунктов были включены по инициативе Кубы и получили поддержку ряда латиноамериканских стран, потому что немало латиноамериканских стран очень болезненно относятся к мысли о праве НАТО и Соединенных Штатов в любой момент, в любой день, под любым предлогом обрушивать бомбы и ракеты на города, промышленные предприятия и, что хуже всего, на граждан, население страны (Аплодисменты).

Будьте уверены, что наши многоуважаемые северные соседи не хотели этого собрания, их не радует эта встреча и даже эти ее результаты, которые еще очень далеки от того, чтобы удовлетворить все наши надежды. Но в этом случае я сказал бы, что наши надежды были удовлетворены, потому что мы понимали, что большего не приходится ожидать от подобной встречи. И я считаю, что миллионы и миллионы людей, которых многое тревожит, и вполне обоснованно, могут чувствовать не удовлетворение от такого документа, который, по моему мнению, должен стать первым шагом.

Тем временем мы воспользовались возможностью диалога с многочисленными европейскими руководителями, и я был вынужден решиться на выступление, которое можно было бы квалифицировать как трудное, жесткое и в определенной мере дерзкое, потому что я просто выпустил некую маленькую глубинную бомбу и коснулся двух-трех чувствительных пунктов. Говорят, что там воздух можно было резать ножом; когда я закончил, у меня было чувство, что у присутствующих кровь застыла в жилах. И кое-что еще: президент Бразилии, который в тот момент председательствовал - там было три председателя, они чередовались, - после моих слов - которые я произнес почти в конце того заседания, когда, хорошенько подумав, я решил, что мой долг поставить этот вопрос, для чего у меня было не более четырех минут, - немедленно сказал: "Этот важный и деликатный вопрос мы должны обсудить на закрытом собрании руководителей делегаций"; он имел в виду собрания, происходящие на таких встречах на высшем уровне, в которых участвуют не все делегации, а лишь главы государств и правительств, чтобы более свободно говорить на любую тему. Он сказал это, как только я закончил выступление; он повторил это в последний момент заседания, перед тем как начать закрытое собрание. Там было 15 европейских руководителей, 11 из них - из стран-членов НАТО.

А что сделал я? Поскольку было заявление и поскольку в Вашингтоне 24 апреля - месяц спустя после начала резни и геноцида в Югославии - торжественно отмечалась годовщина НАТО и вышла Декларация принципов НАТО, полная торжества, для которого не было ни малейшего основания, потому что они думали, что бомбардировки продлятся три дня, а менее оптимистично настроенные - что пять дней, и тем не менее, месяц спустя сербский народ продолжал сопротивляться... И учтите, когда я говорю о сербском народе, я говорю о миллионах мужчин и женщин, детей и стариков, но в особенности детей, беременных женщин, ни в чем не повинных гражданских лиц, если не считать преступлением их способность к самопожертвованию, их отвагу перед лицом смерти и способность петь, как вы, патриотические или веселые песни, в то время как своими телами они защищали мосты, уже ставшие жизненно важными, которые соединяли две части столицы.

У нас было там три дипломата, три наших товарища, с таким телефончиком, они каждый день связывались с нашей страной, и я, например, задавал им единственный вопрос: каково настроение населения под этими бомбардировками? Меня удивлял их ответ: "Они продолжают свой концерт в такой-то час, каждый день, в них участвуют тысячи человек; мораль народа продолжает оставаться на высочайшем уровне". И мы думали не о правительствах, потому что мы не можем ни подтвердить, ни отрицать обвинения, предъявляемые правительству Югославии, в этнических чистках, которые происходили с той и с другой стороны с тех пор, когда Европа безответственно расчленила Югославию, где эти народы мирно жили в течение 45 лет несмотря на свои национальные, религиозные, культурные и этнические различия.

Когда Запад, и в первую очередь Европа, расчленил Югославию, начались войны и взаимные побоища между народами, составлявшими эту Югославию, которая на протяжении почти полувека жила в мире (Аплодисменты).

Как я сказал некоторым европейским руководителям, никакая этническая чистка, никакое преступление не оправдывает геноцида, направленного против целого народа, миллионов безвинных людей (Аплодисменты и восклицания), и потому мы требовали политического решения проблемы. Наступит день, когда будут опубликованы послания, направленные в разные точки, в которых мы с самого начала анализировали эту колоссальную ошибку, которую там совершали, и почти со всей точностью предвидели, что произойдет и что действительно произошло, вплоть до того дня, когда под чрезвычайно мощным давлением правительство этой страны было вынуждено принять условия НАТО, лицемерно названные политическим решением, которое состояло в том, чтобы уступить всем требованиям агрессоров.

Давление не оправдывает решений правительств – не оправдывает! – потому что могу вас заверить, что если бы речь шла о Кубе, стране, которая много лет постоянно живет под такими же и даже худшими угрозами, она была бы готова сопротивляться, и сопротивляется уже 40 лет. И если когда-нибудь град бомб обрушится на наш маленький остров, я уверен, что поведение нашего народа будет таким же героическим, каким было поведение сербов (Аплодисменты), и что конечно же, как мы сказали недавно, нам не нужны были бы посредники, потому что мы приняли бы их только тогда, когда агрессоры направили бы сообщение о том, что признают свое поражение и объявляют о выводе своих войск из страны или о прекращении атак (Аплодисменты).

Правительство может поддаться или не поддаться давлению; мы прекрасно знаем, что сделали бы руководители нашей страны, если бы в один прекрасный день мы не смогли бы вынести этой картины разрушения и жертв, хотя мы считаем, что нет ничего более священного, чем свобода, что нет ничего более священного, чем достоинство. Что такое человек без достоинства? Что такое человек без свободы, без родины, без готовности отдать все? И так поступал не один народ в истории, чтобы не сложить знамен, чтобы не уступить требованиям жестоких агрессоров; потому что в этом случае есть всегда простой и легкий способ – пойти туда и встать под падающие бомбы, чтобы погибнуть под бомбами. Исходя из наших концепций и наших ценностей, это единственная альтернатива для тех руководителей, которые приняли решение сражаться любой ценой.

Действительно, сербы не могли терять больше того, что потеряли, не могли выносить больше разрушений, чем они вынесли. Им уже нечего было терять. Я просто выражаю точку зрения, мы никого не критикуем.

Не раз в нашей жизни к нам приходили революционеры и говорили: "Есть возможность установить мир, у нас есть такая-то и такая-то возможность"; я всегда им отвечал – в определенных обстоятельствах, особенно после распада социалистического лагеря, – "Вы сами должны решать". Никто не может советовать другому вступать в переговоры или погибнуть; только сам человек может принять решение погибнуть. "Мы с уважением отнесемся к любому решению, какое вы примете; мы безо всякого сомнения знали бы, как поступить в подобном

случае". Это философский вопрос, это вопрос концепций. Поэтому это была очень важная тема.

Тогда я в тот день на встрече на высшем уровне на двух страницах обозначил - и я не буду этого читать - четыре пункта и три вопроса; четыре пункта из 16, которые мы выбрали из декларации НАТО от 24 апреля, где провозглашалось право на интервенцию в любой части света, и просто три вопроса, но один из них относился к сделанному здесь Европейским союзом заявлению о суверенитете и так далее, и тому подобное, и я спросил их - это единственный вопрос, который я вам зачитаю, - "Означает ли это, что Соединенные Штаты также обязуются уважать принципы, содержащиеся в данном заявлении их союзников? Какой будет реакция Европы, если Соединенные Штаты решат самостоятельно под любым предлогом начать бомбардировку и ракетный обстрел какой-либо из собравшихся здесь стран Латинской Америки и Карибского бассейна?"

Это был один вопрос - не знаю, будет ли он вопросом на 64 000 песо, как здесь говорят, - но было еще два в таком же роде, где мы впервые заговорили о проблеме распространения ядерного оружия, поддерживаемого Соединенными Штатами, терпимого и окруженного молчанием, странным и глухим молчанием в течение многих лет, в отношении одной страны Ближнего Востока, у которой примерно 300 единиц ядерного оружия. И так как это одна из причин, по которой, согласно НАТО и ее новой концепции, может произойти вооруженная интервенция, я спросил их, не собираются ли они в один прекрасный день обрушить тысячи бомб на эту страну и ее города, на эту страну и ее многонациональное население; цивилизованно ли искать формулы такого типа для решения проблемы и, конечно, решительно заявил о том, что было бы преступно, если бы вследствие этого поддерживаемого ими распространения они начали бы геноцид против мужчин и женщин, детей и стариков, живущих в этой стране.

Больше я ничего об этом не скажу, не буду называть имен. Я задал три вопроса, но ни на один из них не получил никакого ответа.

Даже на той закрытой встрече, даже там ни один из европейских представителей не поднял руку, чтобы сказать: "Я хочу ответить на вопросы, заданные руководителем Кубы". Ни один.

У меня была приготовлена масса документов. В течение всей встречи я уважительно молчал и ждал, когда кто-нибудь ответит на вопросы, на которые председательствующий дважды просил дать ответ. Это называется три вопроса без ответа.

Хочу добавить, товарищи, что мир полон вопросов без ответов. Например, истребление сербов, которое произошло, когда нацисты вторглись в Югославию; концентрационные лагеря как Дахау и Освенцим, где, если учитывать другие лагеря и формы уничтожения, 675 000 сербов - мужчин, женщин и детей - были просто уничтожены, о чем Запад не сказал ни слова.

Если мы хотим докопаться до правды, вам, независимо от вашей политической философии и партийной принадлежности, я могу сказать, что есть несколько вопросов и несколько ответов, которые необходимо прояснить, по крайней мере чтобы разоблачить лицемеров, чтобы уничтожить лицемерие и чтобы мир осознал сегодняшнюю действительность, это и будет нашим оружием в борьбе за мир, о котором вы мечтаете.

Я слышал здесь разговоры о Бразилии и о единении бразильцев, чтобы осуществить мечту о бразильской родине, и отвечу на это, что сейчас не время думать о собственной родине, надо мыслить категориями латиноамериканской и карибской родины (Аплондисменты), о родине, которую представляет здесь Латиноамериканская континентальная организация студентов (ЛКОС).

Наступают времена, когда нужно думать о всемирной родине; наступают времена, когда нужно думать обо всем мире, потому что этот мир переживает неизбежную глобализацию под знаком самой печальной и жестокой философии концепций или понятий, ведь глобализация мира

проходит под эгидой единственной сверхдержавы, стремящейся к созданию однополярного мира – не для его спасения, но ради его разрушения (Аплодисменты); не для того, чтобы установить справедливость, которая всем нам необходима, но для того, чтобы еще больше поработить нас, если это возможно, чтобы еще больше грабить нас, если это возможно, чтобы еще больше унижить нас, чтобы разрушить наши мечты, мечты, которые нерушимы (Аплодисменты), чтобы разрушить наши культуры, которые мы должны охранять и умножать, потому что объединение не означает конец культур. Объединение, интеграция и справедливость означают возможность сохранения всего, что нам дорого. Культура, родина никогда не перестанут существовать, даже если мы достигнем максимума объединения или дезинтеграции.

Мы мечтаем о мире, свободном от фальши универсальной монокультуры (Аплодисменты), о мире, где будут существовать и развиваться все культуры; о мире, где будут существовать и развиваться все языки, даже если мы придумаем какие-нибудь, или будем пользоваться какими-нибудь, или конфискуем какие-нибудь, если нужно, потому что язык может служить правому или неправому делу. Например, английский язык, национальный язык суперимперии, служит сегодня неправому делу; однако английский язык, как и испанский, французский, как и любой другой из самых распространенных, может служить правому делу.

Например, Карл Маркс говорил по-немецки; однако этот язык служил ему вовсе не для тех же целей, что Адольфу Гитлеру, язык служил ему для борьбы за справедливый, братский и гуманный мир. И многие американцы пользуются английским языком ради справедливого дела.

Что ж, пусть живут все языки! За последние годы исчезло уже 2 тысячи языков из 6 или 7 тысяч, на которых раньше говорили в мире, а в ближайшие 20 лет, по подсчетам, исчезнет еще 2 тысячи. А когда исчезает хоть один диалект, духовная человеческая культура беднеет, история беднеет, наша человеческая история, история нашего превращения из животного в человека, хотя порой приходит мысль о том, что многие животные, не познавшие ни рабства, ни капитализма, ни эксплуатации животного животным, зачастую ведут себя лучше, чем люди (Аплодисменты).

Все эти элементы являются составной частью нашей истории, нашей цивилизации, и на них нам придется строить нашу культуру, когда этой неолиберальной и обреченной на гибель глобализации придет конец, а ей обязательно придет конец и, говоря словами Сальвадора Альенде, быстрее чем кажется (Аплодисменты).

Сегодняшняя мировая обстановка делает невыносимым этот гнусный порядок, от которого мы страдаем, и поэтому, на наш взгляд, основная задача состоит в том, чтобы сеять идеи, сеять сознание, чтобы когда этот порядок рухнет, человечество было лучше подготовлено к тому, чтобы на его обломках построить лучший мир, создать более гуманную глобализацию.

Не только Маркс мечтал о глобализации, может быть он первым задался идеей развитого мира, где развитые производительные силы будут способны производить необходимые человеку материальные и духовные ценности, состоящие отнюдь не в том, чтобы менять каждый год автомобиль, чтобы иметь дворцы или 90 миллиардов долларов - в стране, которая считает себя образцом и примером демократии, - живя может быть всего в нескольких километрах от моста, под которым ночуют, накрывшись газетой, бродяги, которых еще немало в этой стране (Аплодисменты).

Можно говорить о справедливости, свободе и правах человека только там, где существует равенство, уважение для всех, культура для всех, потому что без культуры свобода невозможна, без культуры невозможна даже демократия (Аплодисменты).

О какой демократии может идти речь там, где миллионы и миллионы людей не умеют даже читать и писать, где миллионы детей погибают оттого, что им своевременно не была сделана прививка или оттого, что не было солей от обезвоживания, которые стоят считанные гроши? О

каких правах человека могут говорить те, чья система губит десятки миллионов людей, где люди ежегодно погибают от голода, нищеты, от отсутствия продуктов питания, медикаментов, крыши над головой, одежды, обуви? Повторяю, десятки миллионов умирают каждый год.

Некоторые искренне борются против наказаний, эквивалентных смертной казни, даже если речь идет о чудовищных преступлениях, которые к сожалению существуют, даже когда речь идет об изнасиловании пяти- или шестилетних детей теми, кому поручена забота об этих детях.

Наша страна является одной из 129, где до сих пор существует смертная казнь. Говорят, что мы ужесточили наш уголовный кодекс, потому что два вида преступления, причиняющих большой вред человеку и обществу, влекут за собой теперь более суровое наказание – более продолжительный срок лишения свободы или пожизненное заключение, как промежуточную меру. Недопустимые и чудовищно тяжкие преступления – когда я говорю недопустимые и чудовищно тяжкие преступления, я имею в виду не преступления против правительств, я имею в виду недопустимые и чудовищно тяжкие преступления для народа, который исполняется ужаса, когда слышит о совершении некоторых из этих чудовищных преступлений, – мы наказываем теперь более строго, потому что в нашей стране, в условиях особого периода, двойной блокады и новых законов о блокаде, где закон Хелмса-Бертон лишь один из множества, и каждый день включаются поправки, еще больше ужесточающие блокаду и ее последствия, иной альтернативы нет.

Сегодня нашу страну свободно посещают миллионы людей, многие из них – без визы, потому что туризм является сегодня насущной потребностью нашей экономики, но это туризм без игорных домов и казино, туризм без публичных домов. Мы не приемлем и не потерпим этого, потому что все сокровища мира стоят меньше, чем достоинство женщины, а тем более достоинство юной девушки (Апладисменты). Суровые наказания предусмотрены за продажу малолетних иностранцам для занятия сексом или для извлечения жизненно важных органов. Мы не потерпим отвратительных изнасилований детей при отягчающих обстоятельствах.

Наркобизнес в крупных масштабах также влечет за собой высшую меру наказания. Речь идет об этих двух видах преступления, потому что сейчас есть больше свободы для разного рода деятельности, появились иностранные инвестиции – самые необходимые, – некоторые совместные предприятия, и вот кое-кто пытался воспользоваться этими предприятиями, чтобы получать контейнеры с сырьем и отправлять их обратно с продукцией этих малых предприятий, спрятав за двойными стенками значительное количество наркотиков. И мы сказали: нет, страна не потерпит такого тяжкого оскорбления! В этих условиях, которые отличаются от условий Европы или условий многих европейских стран, наш элементарный долг состоит в защите нашего народа.

Смертная казнь отвратительна нам больше, чем многим борцам за ее отмену. Да, именно так, отвратительна, мы глубоко скорбим оттого, что нищета, малограмотность, маргинальность и другие явления нашего сегодняшнего мира доводят некоторых людей до совершения подобных преступлений.

Я говорил некоторым людям, многие из них наши друзья, которые из религиозных или философских убеждений – и я уважаю их принципы и идеи – не приемлют смертной казни, и другим, которые не приемлют и даже борются против нее, потрясая флажком гуманизма; многие из них богаты, чрезвычайно богаты, и им я говорю: “Нас глубоко печалит происходящее, нас глубоко печалит смертные казни, но у смертной казни есть два выражения и одна из них – это несколько сотен или тысяч человек в год, которых подвергают смертной казни в силу законов, предусматривающих такое наказание за преступления; не будем дожидаться, пока мир изменится настолько, чтобы в нем не осталось ни одной страны со смертной казнью в законодательстве, не будем дожидаться этого, чтобы спасти миллионы жизней, потому что есть другой ужасный вид смертной казни, к которой ежегодно приговаривают миллионы, как я уже сказал, десятки миллионов, в большинстве своем детей, их приговаривает к этому социальная

система, которой вы наслаждаетесь и которую защищаете” (Аплодисменты).

Как я тоже сказал там на встрече: “Мы будем защищать суверенитет как нечто святое, пока есть сильные и слабые, пока все не согласится отказаться от него в пользу всеобщего суверенитета”. И сразу же возникает вопрос: “Исходя из того, что нет ни высших, ни низших рас, почему мы, латиноамериканские и карибские страны – бедные и слаборазвитые? Кто в этом виноват? Может быть дети-герои Чапультепека, индейцы, миллионами уничтоженные на этом полушарии, и рабы, на протяжении веков умиравшие в цепях, могут ответить на эти вопросы” (Аплодисменты).

И поэтому я говорил: мы знаем, сколько детей умирает в каждой точке этого полушария, в каждой точке Африки и в каждой точке земного шара. Тяжело думать о том, что в то время как развитые и богатые страны – сколотившие себе состояние на наших природных ресурсах, более того, на крови народов, населявших эту территорию, на поте и крови наших стран, - продолжают пользоваться плодами своего постыдного развития, среди нас есть страны, где смертность детей на первом году жизни достигает 200 на тысячу живорожденных.

Как знаем мы и об очень богатых странах, где детская смертность составляет 6 на 1 000. Нам горестна мысль о том, что на пороге нового века есть страны, где детская смертность в 40 раз выше, чем в этих развитых странах. По собственному опыту солидарного сотрудничества с третьим миром, где в течение последних 30-40 лет работали 26 000 наших врачей, мы знаем, чего стоит спасти ребенка и как спасти ребенка; и мы сказали им: если вы предоставите минимальное количество, пусть дешевых, но необходимых медикаментов, мы готовы отправить в эти страны тысячи врачей, как отправляем в настоящее время в Центральную Америку, Гаити, Африку.

Мы выбрали группу стран с самыми высокими показателями детской смертности в регионе к югу от Сахары и предложили им до 3 000 врачей, имеющих гуманное представление о медицине, готовых работать в самых отдаленных уголках с примерным стоицизмом и подлинной самоотверженностью, потому что они были воспитаны в этом духе. И мы сказали им: не надо ждать, пока люди перестанут умирать от определенного закона или решения суда, чтобы уже сейчас спасти миллионы детей и миллионы людей, которых можно спасать ежегодно. Мы сказали: если мы пошлем каждого третьего своего врача на выполнение такой миссии, оставшиеся два врача выполнят работу третьего, и все же мы останемся страной с самым высоким показателем врачей на душу населения во всем мире, включая сверхразвитые страны (Аплодисменты).

Один товарищ, уругваец, говорил о Латиноамериканской школе медицины, созданной спустя всего несколько недель после ураганов, обрушившихся на Санто-Доминго и Гаити, и после чудовищного урагана, обрушившегося на Центральную Америку. Мы предложили не только необходимых врачей, чтобы работать в самых глухих уголках, куда даже не доходят врачи, но и школу по подготовке врачей. В ней уже 1 800 студентов, а в следующем году их будет около 3 000. И это не единственная наша возможность, это только первые два курса, самые трудные, потом они пойдут на остальные факультеты, а у нас в стране 21 медицинский факультет, потом они начнут работать в больницах, так как врачи на Кубе получают не только теоретическую, но и практическую подготовку.

Каждый из этих врачей станет учителем медсестер, там у себя на родине и с помощью своих учебников каждый из них сможет подготовить двух или трех медсестер - достаточно только, чтобы они закончили шесть классов, - сможет умножить число медсестер, которые необязательно должны заканчивать вуз, как сейчас на Кубе, потому что это – формулы для немедленного решения проблем.

Какое совпадение, что он заговорил об обучающихся там латиноамериканских студентах. Действительно, там сейчас большое количество студентов из Центральной Америки, так как мы предложили им 500 стипендий ежегодно и одновременно предложили стипендии почти всем

латиноамериканским странам.

Для некоторых это весьма важно, в такой маленькой стране как Боливия 70 стипендий в год - это существенно, в такой маленькой стране как Гондурас 300 стипендий - это еще более значимо; или как Гватемала, Никарагуа, Гаити, из которых мы приняли уже 120 стипендиатов. Есть и другие страны, прибыли студенты из Эквадора, даже из Аргентины, Чили, Бразилии.

Как поступили мы с Бразилией - этой гигантской страной? Какое значение могут иметь для нее 60-70 стипендий? Мы попросили бразильских друзей, чтобы они отбирали по два или три студента из каждого штата. Не потому, что это необходимо Бразилии, а потому, что это необходимо самой школе; потому что мы хотим, чтобы школа стала братством всех латиноамериканцев, чтобы в ней сложилась доктрина о том, каким должно быть здоровье человека (Аплодисменты) и каким должен быть врач.

В определенный момент я заметил, что, считая что некоторые страны имеют уже довольно большое количество врачей, мы не включили их

- среди них был Уругвай, - и немедленно попросил: вы, студенты и члены групп солидарности, могли бы отобрать хотя бы 50 студентов, чтобы отправить их на Кубу? Не потому, что это им так уж нужно, может быть даже совсем не нужно, здесь нет дремучих тропических лесов, глухих мест, почти все население страны живет в столице, а мы знаем, что проблемы сосредотачиваются не в столице. Я не предлагаю им врачей, я прошу их, прошу ЛКОС помочь нам, чтобы не отсутствовали студенты ни одной страны, чтобы над школой реяли все флаги.

Речь идет не о создании 3 000 стипендий; через четыре года на Кубе будут учиться 6 000 латиноамериканских студентов с целью последующего служения делу здоровья и жизни человека, миссионерского служения.

Наша страна - бедная, переживающая все более суровую блокаду и в один день утратившая рынок для своего сахара и других товаров, поставки топлива, кредиты и все прочее, стойко держится вот уже 10 лет после такого тяжелого удара, и мы выстоим дальше. Мы с каждым годом наращиваем наш человеческий капитал, и этого у нас никому не отнять! И именно потому, что у нас этого никому не отнять, мы можем сказать то, что чрезвычайно богатая страна, валовой внутренний продукт которой достигает почти 10 триллионов долларов в год, что в шестьсот раз превышает ВВП маленькой Кубы, не может сказать. Я уверен, что если та страна обратится с призывом к добровольцам для работы там, где находятся наши врачи в Центральной Америке, на Гаити или в Африке, она не соберет 2 000. Я осмелился бы даже утверждать, что вместе взятые Соединенные Штаты и Европа - где много хороших людей, этого нельзя отрицать, но их жизнь настолько отличается от жизни тех, кто живет без электричества, без медикаментов, без врачей, от тех, у кого нет компьютера, трех телевизоров, автомобиля, особняка и кто не делает покупки в супермаркетах через Интернет, не трудясь выходить на улицу, - не соберут 2 000 добровольцев. Я был бы счастлив ошибиться, а если бы они могли собрать 10 000, я был бы вдвойне счастлив, а если бы они могли собрать 20 000 добровольцев, я пригласил бы их прямо сейчас отправить этих 20 000 добровольцев и необходимые медикаменты, и мы могли бы почти с математической точностью сообщить, сколько жизней они спасают каждый год, сколько жизней они спасают каждый год!

И мы могли бы сказать еще больше: если вы такие гуманные, давайте объединимся с другими странами. Куба знает, сколько добровольцев может отправить, и если они могут собрать 6 000, то мы уже предложили 6 000; если они смогут предложить 10 000, то как только наши врачи, медсестры и другой медицинский персонал узнают об этом, меньше чем за неделю будут готовы 10 000 человек. Если же понадобится каждый третий, им достаточно будет только узнать об этом и воодушевиться мыслью о том, что мы прилагаем усилия ради лучшего мира, ради гуманизации несметных богачей, справедливо жалеющих - я это искренне говорю - справедливо жалеющих голодную собаку, чтобы они также смогли пожалеть, узнав - если они этого еще не

знают - или проникнувшись реальным сознанием того, что миллионы и миллионы людей умирают каждый год потому, что у них, в отличие от этой собаки, нет средств, необходимых для спасения (Аплодисменты).

Наша страна живет духовными ценностями, выстояла благодаря этим ценностям, ведя не только экономическую борьбу, но и борьбу против терроризма и диверсий.

Вчера я рассказал студентам Университета Рио-де-Жанейро, что работая над судебным иском, предъявленным Соединенным Штатам, собирая документы и еще документы, доказательства и еще доказательства, я узнал цифру, о которой не имел представления на протяжении 40 лет - общее число заговоров, направленных на мое физическое уничтожение и непосредственно организованных ЦРУ, или группами, которые были созданы и подготовлены ЦРУ и которым оно предоставило "самостоятельность", или действующими по подстрекательству ЦРУ и империалистической пропаганды: шестьсот тридцать семь заговоров. Клянусь, что когда я увидел все эти сложения и вычитания, я был поражен. Хорошо было бы, чтобы среди документов, которые будут направлены - мы уже направили два - был бы иск, предъявленный Кубой.

Да, вы обязуетесь разослать их, не двум миллионам студентов, потому что на это у нас не хватит бумаги, но если, например, ЛКОС понадобится определенное количество экземпляров на соответствующем языке, чтобы довести эти самые три брошюры до всех студенческих руководителей Бразилии и Латинской Америки, то мы готовы прислать данные документы, где освещаются вопросы, не затронутые мною сегодня, но отраженные в этих двух выступлениях, которые я упомянул, и в иске, который мы предъявили Соединенным Штатам на сумму 181 миллиард долларов за 3 478 погибших и 2 099 оставшихся инвалидами вследствие их наемнических агрессий и террористических актов. Мы прислали бы эти три документа, если вы обязуетесь вручить их тем, кто присутствует здесь, но не сможет получить их сейчас, а также тем, кто находится в других местах.

Рикардо, я мечтаю о том дне, когда вы сможете организовать латиноамериканский конгресс студенческих руководителей (Аплодисменты). Если у вас нет места, рассчитывайте на Кубу (Из публики говорят, что на Кубе в следующем году), когда угодно. Мы должны проводить совместную борьбу, мы должны совместно работать с тем, чтобы формировать сознание, сеять идеи.

Извините меня за то, что я вас долго задержал в неудобном сидячем или в неудобном стоячем положении. Извините меня, если я слишком увлекся, я знаю, что в 8:30 вечера состоится футбольная встреча.

Учитывая условия, при которых мы здесь встретились, думаю, я вам достаточно сказал.

Примите мои извинения. Прошу вас извинить меня и говорю вам спасибо.

До скорой встречи!

Всегда до победы!

(Овация)

Стенографическая запись - Государственный Совет

Enlaces

[1] <http://www.fidelcastro.cu/es/node/54923>